

ИНФАНТИЛИЗМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИЧНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ А.И.ГЕРЦЕНА)

© 2012 И.Ж.Сарсенова

Астраханский государственный университет

Статья поступила в редакцию 24.11.2011

В статье на материале романа «Кто виноват?», повестей «Долг прежде всего» и «Поврежденный» рассматривается феномен «детскости» в рамках концепции личности в творчестве А.И.Герцена. Делается вывод о том, что для художественной картины мира писателя характерна сакрализация черт ребенка во взрослом человеке.

Ключевые слова: личность, детство, инфантилизм, аксиология, «бессознательный» компонент, духовная чистота, божественное начало.

° Детство – это особая страница отечественной классической литературы. Детскость в качестве объекта художественного восприятия наиболее яркое выражение нашла в романтизме. Впервые противопоставление между ребенком и взрослым было решено в пользу первого. Произошло признание его изначальной близости к природе как к стихии свободы и первоосновам жизни в аспекте чистоты, интуиции.

А.И.Герцен в своих художественных произведениях размышляет над проблемами формирования и развития человеческой личности. Для писателя характерно особое мировидение, восходящее к детству. Его своеобразие можно определить понятием «детскость» в значении «инфантильность», которое в творчестве мыслителя воплотилось как разновидность этико-эстетического восприятия. «Ребачество»¹ в произведениях писателя не ограничивается физиологическими коннотациями, а может быть интерпретировано как вневозрастная компонента личностной парадигмы человека. Обращаясь к инфантилизации героев, писатель ставит вопрос об истинно детском (непосредственном, интуитивном) и ложно детском (беспомощном) в личности формирующегося и уже сформировавшегося человека. Феномен детскости интерпретируется не столько как один из существенных психофизиологических, сколько духовных признаков личности. А.И.Герцен полагает, что инфантилизм присущ всем людям: «У большей части людей мозг ребячий, – им надобны дядьки, няньки, педели, наказания, приказания, карцеры, игрушки, конфеты и прочее – дело детское!»². В дневни-

ке 13 сентября 1842 мыслитель пишет: «Все от того, что мы дети, дети и дети» (Т. II, с. 228). Герой «Записок одного молодого человека» Трензинский подтверждает: «Все мы – дети» (т. 4, с. 255). С одной стороны, «предполагается, что «личность» в большинстве представителей рода человеческого как бы спит, они еще не дошли до своего «совершеннолетия»³ (так объясняет данную точку зрения писателя Е.К.Созина). С другой стороны, в романе «Кто виноват?» повествователь замечает: «Человек до ста лет – дитя, да если б он и до пятисот лет жил, все был бы одной стороной своего бытия дитя. И жаль, если б он утратил эту сторону, – она полна поэзии» (т. 4, с. 101).

Так, в романе «Кто виноват?» очевиден психологический инфантилизм Бельтова: «Он лишен совершеннолетия – несмотря на возмужалость своей мысли; ...теперь, за тридцать лет от роду, он, как шестнадцатилетний мальчик, готовится начать свою жизнь» (т. 4, с. 114). «Детскость» свойственна и Дмитрию, причем в более значительной степени, чем Владимиру. Круциферский имеет «столько простосердечия и ...чистоты, что его нельзя не полюбить, хотя чистота его и сбивается на неопытность, неведение ребенка. <...> Трудно было бы сыскать человека, более не знающего практическую жизнь» (т. 4, с. 147). В данном контексте символичен голубой цвет глаз героя, олицетворяющий в ряде случаев стремление к пассивной чувствительности. На инфантилизм миропонимания Дмитрия указывает Крупов. Круциферский выражает свои тревоги: «Подчас мне становится страшно мое счастье; <...> Как бы...». На что доктор

° Сарсенова Инна Жардемгалиевна, аспирант кафедры литературы. E-mail: 79_inna@mail.ru

¹ Герцен А.И. Сочинения: в 4 т. – Т. 4. – М.: 1988. – С. 201. Далее ссылки на это издание даны в тексте, первая цифра в скобках означает том издания, вторая – страницу.

² Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Т. II. – М.: 1954. – С. 81. Далее ссылки на это издание даны в тек-

сте, первая римская цифра в скобках означает том издания, вторая – страницу.

³ Созина Е.К. Сознание и письмо в русской литературе. – Екатеринбург: 2001 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://abursh.sytes.net/abursh_page/Sozina/Soznanie/Intro.asp свободный. – Яз. рус. (Дата обращения 28.11.2011)

иронично отвечает: «Как бы не вычли потом. ...Эки мечтатели! ...Что это за ребяческий взгляд!» (т. 4, с. 122). Примечательно, что косвенным участником данного разговора становится трехлетний Яша. Крупов проводит некую параллель между Круциферским и его ребенком: «...Не развивайте в нем этих пустяков; <...> ну, что сделаете из него? Мечтателя. Будет до старости искать жар-птицу, а настоящая-то жизнь в это время уйдет между пальцев» (т. 4, с. 124). Об инфантилизме супруга говорит Люба: «Я, бывало, обращаюсь к нему с тяжелым вопросом, ... а он меня ... утешает, ... как делают с детьми <...>, он и себя убаюкивает теми же детскими верованиями» (т. 4, с. 170).

В «Долге прежде всего» инфантильность актуализируются А.И.Герценом в бытовых ситуациях, на уровне межличностных отношений. Например, «седой» домоправитель Тит, испугавшись «ярости» Михайло Степановича, «ревет, как ребенок» (т. 4, с. 350). Повествователь отмечает, что поведение человека в старости очень напоминает поведение ребенка. Так, Лев Степанович попрекает живущего в его доме «неразумного слепца» в том, что тот не «умеет ценить благоденствия», и «у старика текут по щекам ...слезы, но как-то очень жалкие, он походит на беспомощного ребенка, обижаемого грубой и пьяной толпой» (т. 4, с. 320). Общеизвестно, что дети для родителей всегда остаются «маленькими», сколько бы им ни было лет. А.И.Герцен отмечает этот факт в повести. В поездке во Францию взрослого князя и Столыпина сопровождает гувернер: «Надзор за *детьми* снова поручен Дрейяку» (курсив – А.И.Герцена) (т. 4, с. 333). И сами «молодые люди» чувствуют себя детьми, хотя «занимаются исключительно волокитством» (т. 4, с. 333). Когда Дрейяк, «объявляет, что дольше в Париже не останется», князь с Михайлом, «несмотря на все споры», подчиняются: «Делать нечего, *дети* воротились» (курсив – А.И.Герцена) (т. 4, с. 337). Представления о «детскости» как психологической компоненте личности обнаруживаем в «Поврежденном»: Евгений Николаевич «возражает» доктору, но «все исполняет, как избалованное дитя» (Т. VII, с. 372).

Таким образом, в приведенных примерах «детскость» представлена в физиологическом контексте. Однако инфантилизм героев нередко оценивается писателем положительно, ведь, как известно, детство ассоциируются с душевной чистотой, целомудрием, добротой, открытостью, наивностью и нравственным совершенством. «Милое время детской непорочности и чистоты душевной!», – замечает повествователь в «Записках» (т. 4, с. 222). Ребенок для А.И.Герцена, в традициях русской антропологической мысли,

– существо беззащитное. Так, Люба отмечает в дневнике во время болезни сына: «Страдания ребенка ужасны» (т. 4, с. 170).

В миропонимании А.И.Герцена отношение к детям является критерием внутренней ценности или убожества человека. «Дети – большое счастье в жизни! <...> Право, не так грубеешь, ... глядя на эту молодую травку», – говорит Крупов. Под влиянием ребенка этот «материалист» (т. 4, с. 149) открывает в себе лучшие стороны своей личности, главная из которых – гуманность: «Я люблю детей, <...> да я вообще люблю людей» (т. 4, с. 119–120). По глубокому убеждению мыслителя, ребенок – абсолютная ценность, совесть человечества, носитель ангельской чистоты и утопии. «Детскость» проявляется у Любови Александровны, которая «готова раскрыть» мужу «всякую мечту, всякую детскую мысль, пробегающую по душе» (т. 4, с. 170).

Еще один персонаж, у которого повествователь отмечает наличие рассматриваемого качества – семнадцатилетняя Вава: «Для девочки, воспитанной в четырех стенах, все ново, «очаровательно», она смотрит на луну и вспоминает о какой-нибудь из обожаемых подруг и твердо верит, что и та теперь вспомнит об ней... Это было то время, которое ...у нас ... срывает улыбку, но не улыбку презренья, а ту улыбку, с которой мы смотрим на играющих детей: нам нельзя играть – пусть они поиграют» (т. 4, с. 127). В романе инфантилизм – одна из основных черт воспитателя Бельтова. Ясными и незамутненными жизненными установками определяется мировосприятие и образ жизни Жозефа – «юноши в сорок лет» с «девственным взглядом» на мир (т. 4, с. 84–85). Он проповедует Владимиру идеи Христа: «Одна любовь к ближнему, одна любовь к благу должна быть целью...» (т. 4, с. 92). Камердинер Григорий с умилением говорит о женевце: «Перед деревенским мальчишкой, который поклонится, приказывает Владимиру Петровичу картузик снять; такой же-де образ и подобие божие есть» (т. 4, с. 143).

Как и в случае с Круциферским, обращают на себя внимание «юные голубые глаза» Жозефа (т. 4, с. 83). Связь голубого цвета с воздухом, облаками символизирует мечтания, потерю ощущения реальности вплоть до существования в «воздушных замках», что и воплощено в образе женевца. «Голубые глаза» Жозефа символизируют «детскость», то есть духовную чистоту. Некоторая психологическая «элементарность» внутреннего мира женевца является своеобразным следствием того детского начала, которое составляет в нем ядро личности: «Холодный мечтатель неисправим: он останется на веки веков ребенком» (т. 4, с. 84). А «простота» его

напоминает о той самой истине, которой обладают дети и о которой сказано в Евангелии, что Бог «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25). В образе женева воплощены такие «детские» качества, как невинность, гармония, естественность, искренность чувств и поступков. В утопической картине мира Жозефа создается аура мечты и фантазии. Детство – это символическая страна счастья и любви, в которой воспитатель Владимира находит спасение. Сохранение в зрелом возрасте качеств ребенка, свободы от стереотипов взрослости, способности удивляться миру, духовной независимости является в некоторой степени проявлением «божественного» в человеке. Итак, в случае с женовцем можно дефинировать инфантилизм как один из сущностных признаков христианской личности.

В «Долге прежде всего» рассказчик указывает на «детское простосердечие» князя. Примечательно, что инфантилизм персонажа вновь символизирует «чистый голубой взгляд» (т. 4, с. 333). Также положительно воспринимается психологический инфантилизм поляка – графа Ксаверия: «Он бесхитростен ..., как дитя» (т. 4, с. 363). В повести «Поврежденный» повествователь отмечает «детское простодушие» доктора (Т. VII, с. 366). Таким образом, в ряде случаев в рассмотренных произведениях детскость представлена в своем бытийном значении – в аспекте чистоты. В картине мира А.И.Герцена обращение к «ребенку» в человеке – не снижение замысла, семантической нагрузки и образных моделей до детско-инфантильного в отрицательной коннотации, а, напротив, возвышение до детско-мудрого. По мысли писателя, ребенок в своей «маленькости» стоит более близко возвышенному смыслу существования, духовно более чуток, нежели взрослый. Детство трактуется не просто как определенный этап онтогенеза, а как сущностная совершенная часть человеческого «Я». Поэтому сохранение «детскости» взрослым челове-

ком предопределяет сохранение непосредственности мировосприятия, являясь признаком идеальной личности.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: 1) Категория «детства» занимает важное место в мировосприятии А.И.Герцена и является определяющей как для создания характера отдельных персонажей, так и для художественной концепции личности в целом. 2) «Детскость» – базовая основа «бессознательного» компонента личности, не преходящая с годами и имеющая первостепенное значение на уровне межличностных отношений. 3) Инфантилизм у А.И.Герцена является одним из значимых предметов художественного изображения, пристального внимания, неоднократно представлен в психологической характеристике персонажей романа «Кто виноват?», повестей «Долг прежде всего» и «Поврежденный». 4) Одним из тематических стержней рассмотренных произведений является негативно «детское» во взрослом человеке (Бельтов, Круциферский, дядя Марфы Петровны, Михаил Столыгин). 5) «Детскость» в положительной коннотации мыслится как одна из приоритетных личностно значимых ценностей, вобравшая в себя всю прелесть и поэзию детства, его совершенность, душевную чистоту и невинность, нравственную нерастраченность. В «детскости» героев (Любоньки, женева, князя, графа Ксаверия) обнаруживается человечески прекрасное, то, что характерно для самой трогательной поры жизни. Инфантилизм этих персонажей может быть интерпретирован как сущностная характеристика. 6) Что касается Жозефа, то «детскость» определяется в теологическом ключе – через актуализацию божественного начала в человеке.

Рассмотрев факты наличия инфантилизма у героев А.И.Герцена, убеждаемся, что для художественной картины мира писателя характерна сакрализация черт ребенка во взрослом человеке.

INFANTILISM AS A PERSONAL PARADIGM COMPONENT (ON THE MATERIAL OF A.I. HERTZEN'S PROSE)

© 2012 I.Z.Sarsenova^o

Astrakhan State University

The phenomenon of «childishness» in the concept of personality in the work of A.I. Herten is revealed through the material of the novel «Who is to blame?», the stories «The duty above all» and «Damaged». The author concludes that for the writer's artistic image of the world sacralization of a child in an adult man is very typical.

Key words: personality, childhood, infantilism, axiology, «unconscious» component, spiritual purity, «blue» eyes, divine.

^oInna Zhardemgalievna Sarsenova, Postgraduate student of the department of Literature. E-mail: 79_inna@mail.ru